

20. См.: Сувениров, О.Ф. Всеармейская трагедия [Текст] / О.Ф. Сувениров. – С. 44.
21. См.: Канун и начало войны: Документы и материалы. – Л., 1991. – С. 300.
22. Известия ЦК КПСС. – 1990. – №3. – С. 200.
23. Там же. – С. 201.
24. См.: Военно-исторический журнал. – 1968. – № 6. – С. 34.
25. См.: Партийно-политическая работа в РККА. – 1938. – № 13. – С. 24.
26. Известия КПСС. – 1990. – № 3. – С. 199.
27. См.: Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 14. – Л. 258.
28. Там же. – Д. 394. – Л. 347.
29. Шишлов, А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов [Текст] / А.В. Шишлов. – М., 2001. – С. 497.
30. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 505. – Л. 320.
31. Там же. – Л. 255.
32. Там же. – Д. 394. – Л. 116.
33. Там же. – Л. 146.
34. Там же. – Д. 433. – Л. 206.
35. Там же. – Д. 351. – Л. 45.
36. Григорьев, М. Свято блюсти революционную воинскую дисциплину [Текст] / М. Григорьев // За Родину. – 1939. – 2 февраля. – С. 3.
37. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 60. – Л. 30-32.
38. См.: Красная звезда. – 1939. – 11 января. – С. 1.
39. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 60. – Л. 90.

А.А. Иванов

ПРИЧИНЫ УЧАСТИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В «КРАСНОМ» ТЕРРОРЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена выявлению причин участия советских органов государственной безопасности в репрессивной политике РСФСР периода Гражданской войны и иностранной интервенции посредством анализа основ организационного строительства контрразведывательных служб Красной армии.

A.A. Ivanov

THE REASONS OF PARTICIPATION OF THE SOVIET SPECIAL SERVICES IN "RED" TERROR IN DAYS OF THE CIVIL WAR

The article is devoted to revealing the reasons of Soviet state security structures' participating in repressive policy of the RSFSR during the Civil War and international intervention by means of analyzing the principals of the Red Army's counterintelligence organization.

Гражданская война в России представляла собой сложный и многогранный феномен, повлекший разрушение ранее существовавшего государственного устройства, с одной стороны, и целую комбинацию новых социокультурных процессов – с другой. Раскол страны в условиях образовавшегося вакуума легитимной власти привел к перерастанию политического конфликта между приверженцами большевиков и их противниками в военное противостояние, ареной которого стала вся Россия. Это противостояние носило ожесточенный характер и реализовывалось в разно-

образных формах, одной из которых стал массовый террор по отношению к идейным врагам, их сторонникам и даже мирному населению, пассивному к вооруженной борьбе.

Среди историков до сих пор нет единого мнения о причинах и истоках этого явления. В советское время определенной доминантой для отечественных ученых был постулат В.И. Ленина о вынужденном характере «красного» террора, являвшегося ответной мерой на начало «белого» террора, корни которого были сокрыты в нежелании контрреволюционных групп населения признать ито-

ги Октября. С другой стороны, эмигрантский историк С.П. Мельгунов уже в начале 20-х гг. XX века выдвинул тезис о системности «красного» террора и его правительственном характере в противовес «белому» террору, не имевшему теоретического обоснования и официального одобрения властей [1].

Эти точки зрения предопределили основные направления научных исследований на многие годы вперед, оформив два ведущих подхода в этой области: апологетический и дискредитирующий. Их сущность заключалась в оправдании репрессивных мер по отношению к сторонникам одного из противоборствующих лагерей с одновременным осуждением аналогичных действий противника. При этом из виду упускался тот очевидный факт, что вопрос о правомерности или обоснованности террора в условиях Гражданской войны вообще не должен ставиться, как не должно отдаваться предпочтение любой из враждующих сторон. Репрессии по отношению к мирному населению не могут характеризоваться оценочными категориями «лучше» или «хуже, чем по другую сторону фронта». Даже утрата единства государственности не дает права искусственно разделять страну на «своих» и «чужих», позволяя применять к последним любые карательные меры.

Распад Советского Союза способствовал постепенному отказу от столь радикальных точек зрения. На современном этапе многие историки придерживаются мнения, что «красный» террор имел классово-целенаправленную форму, а «белый» – рваншистско-истероидную [2]. То есть корни террористической деятельности сторонников антибольшевистского движения лежали в области психологии и психопатологии «белых», в то время как такие же действия большевиков, родившись из «стихийного самосуда толпы рабочих», регламентировались политическими установками правящей партии и правительства. Рассмотрим историю эскалации необоснованного насилия в период Гражданской войны на примере «красного» террора через призму участия в нем советских органов государственной безопасности.

Первой и самой знаменитой спецслужбой РСФСР, без сомнения, была Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) во главе с Ф.Э. Дзержинским. Она была образована 20 декабря 1917 г., и первоначально в сфере ее

ответственности входило предупреждение контрреволюционных преступлений, ликвидация антисоветских боевых организаций, разоружение враждебной новой власти населения и т.д. [3]. Своеобразным идеологическим обоснованием для формирования такого учреждения можно считать тезис В.И. Ленина о том, что большевистская партия «должна стремиться создать организацию, способную обезвреживать шпионов раскрытием и преследованием их» [4]. Под шпионами в данном случае подразумевались не столько иностранные разведчики, сколько любые вражеские агенты, ставившие своей целью борьбу с большевиками. Следовательно, образование ВЧК шло в общем русле ленинской идеологии.

Одной из главных задач подчиненных Ф.Э. Дзержинского стало обеспечение эффективного функционирования государственного аппарата путем его очищения от «чуждых» и «примазавшихся» элементов. Для наиболее эффективного исполнения этой цели чекисты были напрямую подчинены Совнаркому, а органы ВЧК пронизывали всю систему государственного управления РСФСР. Однако, несмотря на это, ни о каком использовании ВЧК как инструмента массовых репрессий в первые месяцы существования комиссии не могло быть и речи. Чекисты первоначально не имели соответствующих полномочий, не могли опереться на собственные воинские части, не имели сети представителей на местах. К тому же идея введения в стране «красного» террора была не слишком популярна. Например, делегаты II съезда Кавказской армии в конце декабря 1917 г. приняли резолюцию, содержащую следующее утверждение: «измышления врагов Рабоче-Крестьянского правительства о системе террора, о гильотине и т.д. отмечаем, как средства, присущие нашим врагам, но чуждые Советской власти» [5].

Вместе с тем, поскольку, по признанию многих большевиков, их власть в первые месяцы после революции держалась исключительно на поддержке армии, необходимость борьбы с контрреволюцией в вооруженных силах становилась все актуальнее. Первой мерой советского правительства в этой области было удаление «старорежимного» офицерского состава с командных должностей путем введения в армии основ самоуправления и выборности комсостава [6]. Однако дальнейшие события, а именно наступ-

ление германской армии на Восточном фронте в начале 1918 г., привели к расширению полномочий ВЧК в области внесудебного преследования «спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов» на фронте и в тылу.

Чекисты получили возможность расстреливать означенных лиц «на месте преступления», что являлось сильнейшей мерой устрашения, которое Л.Д. Троцкий называл «могущественным средством политики и международной, и внутренней». Во многом благодаря этой мере большевикам удалось отбить наступление и отстоять Петроград, продемонстрировав действенность подобных методов воздействия как на красноармейцев, так и на простых граждан Советской России.

В то же время, эскалация Гражданской войны и перерастание внутривойского конфликта в военный поставили перед лидерами РСДРП (б) новые задачи и проблемы. Неоднократные случаи измены со стороны военспецов на разных фронтах доказывали необходимость усиления и ужесточения контроля над войсками. Циркулярное письмо ЦК партии требовало от силовых ведомств «железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств. Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную Армию». Изначально эта функция была закреплена за военно-контрольными органами Высшего Военного Совета, Всероссийского Главного Штаба и Народного комиссариата по военным делам. В дальнейшем, после образования Реввоенсовета Республики [7], они были объединены в один орган – Военный контроль РВСР.

Это ведомство вступило в жесткую конкуренцию с армейскими ЧК, взяв на вооружение их методы поддержания дисциплины в Красной армии. К примеру, на него возлагалась слежка за военными специалистами. «В случае измены или предательства со стороны кого-либо из этих подчиненных должны быть немедленно приняты меры к аресту членов его семьи». Тем не менее, направленность Военного контроля в основном на борьбу с иностранной агентурой не позволяла полноценно пресекать преступления красноармейцев, согласно заявлениям которых Военконтроль «не хозяин и указывать не имеет права» [8].

При этом превращение РСФСР в «единый военный лагерь», закрепленное специальным постановлением ВЦИК Республики, повлекло за собой не только создание РВС Республики, введение в стране военного коммунизма и так далее, но и распространение армейской дисциплины на все сферы общественной жизни. Исходя из этого, легализация применения репрессий в отношении гражданского населения, нашедшая прямое отражение в постановлении Совнаркома о «красном» терроре от 5 сентября 1918 г., являлась не более чем переносом советских методов управления вооруженными силами на все общество.

Тем не менее, этот указ не принуждал ни чекистов, ни сотрудников Военного контроля к массовым репрессиям, а лишь давал им соответствующие полномочия. Окончательное решение о производстве арестов и расстрелов в любом случае оставалось за местными руководителями этих учреждений, а значит, огромное значение для населения России приобретала кадровая политика ВЧК и РВСР.

Наиболее заметно это стало после объединения органов госбезопасности этих ведомств в одну организацию – Особый отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии – в начале 1919 г. Его задача сводилась к «борьбе с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте», а в структуре Особых отделов были организованы так называемые «тройки», обладавшие правом вынесения внесудебных решений (вплоть до расстрела) [9].

Вследствие того, что управление этим учреждением было возложено исключительно на ВЧК, ее руководители отказались от услуг многих опытных сотрудников Военного контроля. Чекистские штаты традиционно формировались преимущественно по классовому принципу с категорическим отрицанием преэминентности кадров прежних спецслужб, а главным требованием, предъявляемым к работникам, была партийная благонадежность, а не профессионализм [10].

При этом вплоть до июля 1919 г. Инструкторские курсы при Всероссийской ЧК обучали будущих работников Особых отделов всего за 3 недели, чего было явно недостаточно для качественной подготовки лиц, получавших почти неограниченные полномочия в плане применения репрессий. В резуль-

тате, по утверждению делегатов Съезда начальников Особых отделов, в органы ЧК в армии и на флоте попали люди, неспособные в них работать. Отсутствие у них знаний и опыта в области агентурной деятельности привело к использованию в повседневной работе единственного доступного им метода выявления и пресечения преступлений – репрессий. Так, ошибки кадровой политики органов государственной безопасности РСФСР спровоцировали развертывание в стране широкой волны «красного» террора.

Этот тезис далеко не во всем подтверждается данными официальной статистики, согласно которым с сентября по декабрь 1918 г. (после введения «красного» террора) чекистами в разных областях страны было расстреляно на 1200 человек меньше [11], чем за весь 1919 г. Тем не менее, эта информация не может быть принята на веру. Еще С.П. Мельгунов обратил внимание на тот факт, что «из статистики совершенно исключались сведения о массовых убийствах, сопровождавших подавление всякого рода крестьянских и иных восстаний». Не учитывались и «бессудные казни, проводимые местными совдепами и чрезвычайками на основе революционного правосознания», иными словами, выносимые «тройками» приговоры. В этом случае для установления подлинных масштабов террора приходится обращаться к документам личного характера участников Гражданской войны по обе стороны фронта, которые в целом подтверждают усиление «красного» террора после декабря 1918 г.

Весьма важно и то, что именно с 1919 г. основная тяжесть репрессий была перенесена из центральных областей РСФСР в отдаленные от Москвы и Петрограда регионы. Репрессии в центре, действительно, стали ослабевать: к примеру, число расстрелянных в Петрограде в 1919 г. уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 42%. В то же время, на местах террор лишь усиливался. Отчасти это было вызвано некомпетентностью многих сотрудников ЧК, поскольку, по словам члена Коллегии ВЧК М.Я. Лациса, для прохождения службы в Особых отделах вдалеке от столицы направлялись «чекисты, которых выбрасывали из центрального аппарата ВЧК как малоспособных и малонадежных» [12]. Однако не меньшее влияние на

разрастание масштабов террора оказала сама организационная структура Особых отделов.

Зачастую чекисты «действовали без всякой связи между собой» и не имели налаженных контактов даже с центральным аппаратом ВЧК [13]. То есть масштабы их репрессивной деятельности были почти неподконтрольны центральной администрации, что создавало благоприятную почву для всевозможных злоупотреблений: грабежа и мародерства, сведения личных счетов под предлогом борьбы с белогвардейскими шпионами и контрреволюционерами, необоснованных арестов, расстрелов и т.д. К тому же практически сразу после создания в РСФСР системы Особотделов была ликвидирована Контрольно-ревизионная коллегия, осуществлявшая до этого надзор за деятельностью органов ВЧК [14]. В то же время, любые попытки ограничения полномочий чекистов сводились на нет после каждого очередного обострения на фронте.

Фактически «особисты» оказались абсолютно независимы от вышестоящего начальства, а безнаказанность нередко пробуждала низменные стороны их натуры. К примеру, вот высказывание М.Я. Лациса по этому поводу: «Как бы честен ни был человек и каким бы кристально чистым сердцем он ни обладал, работа Чрезвычайных Комиссий, производящаяся при почти неограниченных правах и протекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему, дает себя знать» [15].

Тем не менее, сводить причины участия чекистов в терроре 1918-1920 г. лишь к несовершенству организационной структуры ВЧК и низкому уровню подготовки ее сотрудников было бы неверно: свою роль сыграла и психологическая подоплека их работы. В частности, многие агенты местных ЧК отличались мессианским самосознанием: «У нас новая мораль. Наша гуманность абсолютна, ибо в ее основе славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства».

Эта позиция не встречала одобрения высших чинов Чрезвычайной комиссии, но искоренить ее было невероятно сложно. Причины формирования такого взгляда были, по видимому, неосознанно заложены Ф.Э. Дзержинским, считавшим, что «наша задача –

пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству [злу – А.И.] в будущем». С точки зрения этой «новой морали», репрессии в отношении противников власти большевиков были вполне оправданы, что не замедлило сказаться на усилении «красного» террора.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, можно сделать вывод, что комби-

нация таких факторов, как недостатки организационной структуры ВЧК, низкий профессиональный уровень и мессианское самосознание ее сотрудников вкупе с беспрецедентным расширением их полномочий способствовали эскалации «красного» террора в период Гражданской войны.

Библиографический список

1. Литвин, А.Л. Красный и белый террор в России, 1917-1922 [Текст] / А.Л. Литвин // Отечественная история. – 1993. – №6. – С. 46-63.
2. Голдин, В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы) [Текст] / В.И. Голдин. – Архангельск: Боргес, 2000. – 277 с.
3. Воронцов, С.А. Спецслужбы России [Текст]: учебник / С.А. Воронцов. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 512 с.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений [Текст] / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 7. – 622 с.
5. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 – март 1918 [Текст]: сборник документов / под ред. Л.С. Гапоненко. – М.: Наука, 1973. – 455 с.
6. Российский Государственный Военно-исторический архив. – Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 1802. – Л. 208.
7. Российский Государственный Военный архив (РГВА). – Ф. 38988. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 75.
8. РГВА. – Ф. 32015. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 64.
9. Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – КГБ. 1917-1991 [Текст]: справочник / сост.: А.И. Какурин, Н.В. Петров. – М.: Материк, 2003. – 766 с.
10. Санковская, О.М. Формирование кадров всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917-1922 гг. (На материалах центрального аппарата ВЧК) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Санковская Ольга Михайловна. – Архангельск, 2004. – 273 с.
11. Ратьковский, И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году [Текст] / И.С. Ратьковский. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 279 с.
12. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 130. – Оп. 3. – Д. 170. – Л. 42.
13. Зданович, А.А. Отечественная контрразведка (1914-1920) [Текст]: Организационное строительство / А.А. Зданович. – М.: Крафт+, 2004. – 240 с.
14. Маймексулов, Л.Н. Всеукраинская чрезвычайная комиссия [Текст] / Л.Н. Маймексулов, А.И. Рогожин, В.В. Сташис. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1971. – 252 с.
15. Лацис, М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте [Текст]: Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности / М.Я. Лацис. – М.: Государственное издательство, 1920. – 81 с.

Г.Н. Кочешков

Н.А. РОЖКОВ И ЕГО УЧЕНИЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ

Настоящая статья посвящена теоретико-методологическим воззрениям видного историка, представителя экономического материализма, автора многотомной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» Н.А. Рожкова.

Начало XX века характеризовалось борьбой школ, течений и направлений, опирающихся на различные доктрины. Именно в эти годы Н.А. Рожковым было создано историко-философское учение об обществе.

G.N. Kocheshkov

N.A. ROZHKOV AND HIS STUDY ABOUT SOCIETY

The present article is devoted to the theoretical-methodological views of the outstanding historian, the representative of economic materialism, the author of multivolume “the Russian history in comparative-historical illumination” by N.A. Rozhkov.